

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРИСТИКИ

ББК 74.484.4

В. Н. Финогентов

ПЕЧАЛЬНЫЕ ИТОГИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье показаны негативные последствия реформ гуманитарной составляющей высшего образования, проводимых в России в постсоветский период. Подчеркнута настоятельная необходимость усиления и модернизации гуманитарной составляющей российского высшего образования.

Ключевые слова: нарастание темпов технико-технологического прогресса, реформирование российского высшего образования, модернизация гуманитарной составляющей высшего образования, рационализация высшего образования, стандартизация и бюрократизация российского высшего образования.

The article shows the negative consequences of the reforms of the humanitarian component of higher education carried out in Russia in the post-Soviet period. The urgent need to strengthen and modernize the humanitarian component of Russian higher education is emphasized.

Key words: growth of rates of technical and technological progress, reforming of Russian higher education, modernization of humanitarian component of higher education, rationalization of higher education, standardization and bureaucratization of Russian higher education.

Не вызывает сомнений тот факт, что в двадцать первом столетии человечество вступило в переломную стадию своего развития. Об этом более чем убедительно свидетельствует устойчивая тенденция постоянного нарастания темпов технико-технологического прогресса. Очевидно, что лавинообразный рост темпов технико-технологических изменений настоятельно требует незамедлительных и адекватных изменений во всех других сферах жизни общества и человека: в экономике, в политике, в мировоззрении. Это же требование — незамедлительных и адекватных изменений — в полной мере относится также к сфере образования, к сфере высшего образования в частности. Принципиально новое технологическое будущее стремительно надвигается на нас. Человечество должно готовиться к встрече с ним, иначе оно будет просто раздавлено логикой технико-технологического прогресса. И в эту подготовку решающий вклад, несомненно, должна внести система образования. К сожалению, такая задача перед системой образования чаще всего даже и не ставится.

По моему глубокому убеждению, система образования должна незамедлительно заняться решением этой задачи. При этом она должна реагировать на нее системно и последовательно. Если говорить в самом общем плане, то ее решение должно включать в себя, как минимум, три составляющих.

© Финогентов В. Н., 2019

2019. Вып. 2 (19). Философия •

Во-первых, оно должно включать в себя фундаментализацию образования. Речь в данном случае идет о необходимости приобщения обучающихся в первую очередь к уровню фундаментальных знания, поскольку именно такие знания и образуют тот фундамент, на котором можно надежно надстраивать самые различные и в ускоряющемся ритме изменяющиеся варианты прикладных знаний и компетенций. Во-вторых, это решение должно включать в себя переориентацию нашего высшего образования на подготовку таких специалистов, которые отчетливо осознают, что им придется всю свою жизнь доучиваться, переучиваться и заниматься творчеством в области их профессиональной деятельности, которые в то же время способны осуществлять такое перманентное творчество. В-третьих, это решение непременно должно включать в себя радикальное усиление гуманитарной составляющей образования, без которой не может быть сформирована достойная ценностно-смысловая основа будущих специалистов.

Иначе говоря, наша система высшего образования в целом и гуманитарная составляющая этой системы в частности нуждаются в быстрых и существенных преобразованиях.

На первый взгляд, сказанное выше дает основание для позитивной оценки постсоветского этапа в развитии российской системы высшего образования. Действительно, этот этап характеризуется в первую очередь тем, что названная система, по сути, непрерывно реформируется. И поверхностному взгляду может показаться, что с помощью этих перманентных реформ субъекты, определяющие стратегию развития российской системы высшего образования, стремились и стремятся сделать эту систему современной, то есть соответствующей драматическим вызовам современной эпохи, в частности ускоряющемуся технико-технологическому прогрессу. К сожалению, более внимательный и более глубокий анализ процессов, происходящих в нынешней российской системе высшего образования, в целом не позволяет согласиться с такой — позитивной — их оценкой. Разумеется, в нашей системе высшего образования на протяжении постсоветского периода осуществились и осуществляются некоторые существенные элементы ее модернизации. Так, например, в течение этого периода более или менее последовательно происходила компьютеризация и информатизация обсуждаемой системы. Это, несомненно, очень важный шаг в направлении модернизации рассматриваемой системы. Но, в общем, постсоветские реформы системы высшего образования, на мой взгляд, должны быть охарактеризованы как непродуманные, неэффективные и нерациональные. Соответственно, по моему мнению, эти реформы по большей части не способствовали повышению качества подготовки выпускников российских вузов и мало способствовали осовремениванию нашей системы высшего образования.

Понятно, что в небольшой статье невозможно рассмотреть все стороны многосложного и многолетнего процесса и разнообразных последствий реформирования российской высшей школы. Это — задача для объемного и многопланового исследования. В данной статье я сконцентрирую свое внимание на анализе некоторых печальных итогов реформирования только гуманитарной составляющей высшего образования в постсоветской России. Для еще большей определенности я буду говорить здесь лишь о некоторых итогах «нового» реформирования гуманитарной составляющей высшего образования, имея в виду негуманитарные направления подготовки: подготовку специалистов агропромышленного комплекса, подготовку инженеров

различных специальностей и т. п. Впрочем, как мне представляется, указанные мной ниже «печальные итоги» реформирования гуманитарной составляющей высшего образования по большей части справедливы и по отношению ко многим другим направлениям вузовской подготовки.

Я полагаю, что характеристике и оценке нынешнего состояния гуманитарной составляющей российского высшего образования логично предположить краткое обоснование тезиса о том, что в наше время эта составляющая образования обретает поистине судьбоносное значение. Такое обоснование необходимо постольку, поскольку значение гуманитарной составляющей образования для негуманитарных направлений подготовки в нашей стране традиционно недооценивается. К сожалению, эта недооценка, несомненно, была свойственна тем, кто разрабатывал стратегию «новейших» реформ российского высшего образования, а также тем, кто разрабатывал действующие в наши дни учебные планы для различных негуманитарных направлений профессиональной подготовки. Надо сказать, что эта недооценка ошибочна в принципе. Но в наше время — время драматического ускорения научно-технического прогресса, глубочайшего ценностно-смыслового кризиса и радикальных мировоззренческих трансформаций — такая недооценка ведет, по сути, к непоправимым последствиям для общества. Как уже сказано, гуманитарная составляющая образования нацелена на формирование фундаментальных ценностно-смысловых структур будущих выпускников наших вузов. А от качества этих структур, от качества ценностных ориентаций наших выпускников во многом зависит будущее российского общества. Учитывая это, можно предположить, что в современных условиях значимость гуманитарной составляющей высшего образования, по крайней мере, сравнима со значимостью собственно профессиональной подготовки будущих выпускников. Действительно, ведь нет никаких сомнений в том, что набирающий все более высокие темпы научно-технический и технологический прогресс будет предоставлять выпускникам вузов невиданные технические и технологические возможности, в том числе невиданные военно-технические возможности. И именно качество их ценностных ориентаций и смысловых приоритетов будет определять характер использования ими указанных («невиданных») возможностей. Кроме того, хорошо известно также, что вследствие этого же прогресса уже в ближайшем будущем многие и многие специалисты самых различных отраслей будут вытеснены системами искусственного интеллекта, будут заменены роботами и т. п. Соответственно, эти «вытесненные» из их профессиональных областей люди должны будут вновь искать свое место в жизни. И стратегия их поисков и характер их последующей деятельности будут не в последнюю очередь определяться их ценностно-смысловыми структурами, их мировоззрениями.

Итак, имея в виду высочайшие требования, которые наша эпоха объективно предъявляет к гуманитарной составляющей высшего образования, как следует охарактеризовать и оценить нынешнее состояние этой составляющей образования на негуманитарных направлениях подготовки?

Первый момент, который необходимо отметить, характеризуя и оценивая сегодняшнее состояние рассматриваемой составляющей образования, — это то, что ее нынешние параметры являются результатом ее последовательного вытеснения из учебного процесса, результатом непрерывной минимизации ее объема на протяжении многих лет. Причем и ее «вытеснение» и ее «минимизация» осуществляются в различных формах.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить соответствующие учебные планы, по которым осуществлялась вузовская подготовка по интересующим нас направлениям в течение различных отрезков постсоветского периода: в последнее десятилетие прошлого века, в первое десятилетие века нынешнего и в текущее десятилетие.

В результате такого сравнения мы, во-первых, увидим, что за рассматриваемый период большинство предметов гуманитарного цикла из разряда обязательных для изучения постепенно перешло в разряд «дисциплин по выбору». Мы заметим также, что в текущем десятилетии некоторые гуманитарные дисциплины вообще «выпали» из анализируемых учебных планов. При этом указанное понижение статуса большинства гуманитарных дисциплин, как правило, сопровождается соответствующей заменой форм отчетности по таким дисциплинам: на смену экзамену приходит зачет. Понятно, что все это существенно и негативно влияет на отношение «обучающихся» к гуманитарным дисциплинам и на уровень освоения ими этими дисциплинами.

Во-вторых, мы увидим, что на протяжении рассматриваемого периода идет неуклонное сокращение аудиторных часов, отведенных на изучение гуманитарных дисциплин, которые пока еще фигурируют в учебных планах. Это сокращение аудиторных часов, отводимых на изучение гуманитарных дисциплин, в последнее время приобрело, я бы сказал, катастрофический характер. Это весьма сильное утверждение я использую для выражения того обстоятельства, что за оставшийся минимум числа аудиторных часов ни один, в том числе самый талантливый и преданный своему делу преподаватель, в принципе не может преподнести даже основные темы изучаемой гуманитарной дисциплины, зафиксированные, кстати, соответствующими образовательными стандартами. Неизбежным следствием этого является то, что основная масса нынешних «обучающихся» не осваивает в должной мере изучаемые ими гуманитарные дисциплины. Впрочем, справедливости ради здесь надо сказать, что систематическое уменьшение числа аудиторных часов, отводимых на изучение гуманитарных дисциплин, сопровождается в рассматриваемый нами период соответствующим увеличением числа часов, отводимых на самостоятельную работу «обучающихся» по освоению этих дисциплин. Однако надежды нынешних реформаторов российской системы высшего образования на то, что формальным увеличением числа часов, отводимых на самостоятельную работу «обучающихся» по освоению гуманитарных дисциплин, можно компенсировать минимизацию числа аудиторных часов, предназначенных для их изучения, очевидно не состоятельны.

К сожалению, к перечисленным формам «вытеснения» и «минимизации» не сводятся печальные итоги «новейшего» реформирования гуманитарной составляющей российского высшего образования. Дело в том, что негативные последствия «вытеснения» и «минимизации» гуманитарной составляющей образования значительно усиливаются теми социокультурными условиями, которые сложились в российских вузах в результате их непрерывного реформирования. Я имею в виду, прежде всего, планомерное увеличение числа студентов в расчете на одного вузовского преподавателя. В последние годы это число возросло до двенадцати. И, по всей видимости, это число продолжит свой рост в ближайшем будущем. Речь идет также о доведении во многих вузах годовой учебной нагрузки преподавателя до 900 часов и о введении системы «подушевого финансирования» университетов. Я имею в виду также колоссальный и совершенно необоснованный рост количества

документов, детально регламентирующих деятельность преподавателей, и аналогичный рост числа документов (различных планов, отчетов, рабочих программ, фондов оценочных средств и т. д. и т. п.), которые должен изготавливать, согласовывать с многообразными инстанциями и почти перманентно «актуализировать» каждый преподаватель.

Все эти шаги (увеличение числа студентов в расчете на одного вузовского преподавателя, введение системы «подушевого финансирования», рост числа документов, которые каждый преподаватель должен подготовить...) выглядят как вполне рациональные. Действительно, к примеру, увеличение в российских вузах числа студентов в расчете на одного преподавателя ведет к экономии средств, актуально выделяемых государством на систему высшего образования. Но, с другой стороны, небольшого размышления достаточно для того, чтобы убедиться в том, что систематическое повышение числа студентов, приходящихся на одного преподавателя, никак не может способствовать достижению главной цели системы высшего образования: повышению качества вузовского образования. Кроме того, очевидно, что вместе с систематическим ростом числа студентов, приходящихся на одного преподавателя, неуклонно возрастает интенсивность труда вузовских преподавателей. И эта интенсивность еще более умножается ростом (как уже отмечено, до 900 часов в год) плановой учебной нагрузки преподавателя и значительным увеличением количества документов, которые он ежегодно должен подготовить и согласовать, а также разместить на сайте университета. Особого внимания в рассматриваемом контексте заслуживает так называемое «подушевое финансирование» нынешних российских университетов. Казалось бы, такая система финансирования университетов является вполне рациональной. Действительно, тот университет, в котором при равных условиях обучается большее число студентов, должен иметь больший объем государственного финансирования. Соответственно, если в некотором университете число студентов убывает, то естественным представляется уменьшение объема его государственного финансирования. Однако эта система финансирования имеет, так сказать, «негативную изнанку». В самом деле, введение этой системы финансирования российских вузов в единстве с жесткой привязкой числа преподавателей вуза к числу обучающихся в этом вузе неизбежно ведет к широкому распространению в наших вузах порочной практики «сохранения контингента». Причем это «сохранение» достигается в первую очередь снижением требований, предъявляемых к знаниям, умениям и навыкам обучающихся.

Любопытно, что в этой ситуации вузовский преподаватель, в частности преподаватель гуманитарных дисциплин, в любом случае оказывается виноватым. Прежде всего (помните?) за минимизированное число часов, отведенное на аудиторное изучение его дисциплины, он не может достойно и в достаточном объеме преподнести содержание этой дисциплины своим студентам. Казалось бы, в этой ситуации он должен в возрастающей мере загрузить студентов самостоятельной работой по его дисциплине, постоянно контролировать результаты этой работы и в целом повысить свою требовательность по отношению к обучающимся. Однако в этих своих действиях преподаватель сталкивается, можно сказать, с непреодолимыми препятствиями. Во-первых, как уже сказано, сверх всякой меры занятому текущей работой преподавателю очень сложно организовать и проконтролировать самостоятельную работу каждого студента. Но эта трудность отнюдь не является главной трудностью, с которой сталкивается преподаватель. Главная трудность в данном случае

заключается в том, что сами условия, в которых находится нынешний вузовский преподаватель, не позволяют ему быть достаточно требовательным. Ведь он прекрасно понимает, а если он не понимает, то ему очень доходчиво объяснит заведующий кафедрой (декан, проректор...), что его высокая требовательность легко может привести к отчислению известного числа обучающихся в университете. В свою очередь, в современных условиях отчисление определенного числа обучающихся неотвратимо приведет, во-первых, к снижению финансирования университета («подушевое финансирование»!) и, во-вторых, к увольнению соответствующего числа преподавателей (жесткая взаимосвязь между числом обучающихся и числом преподавателей!). Отчетливо понимая это, большинство нынешних вузовских преподавателей идут на компромисс со своей профессиональной совестью и ставят студентам не заслуженные ими высокие оценки. Разумеется, это вновь делает их виноватыми, ведь, в конце концов, выставляя студентам не заслуженные ими оценки, они, говоря на юридическом языке, совершают подлог.

К печальным последствиям для гуманитарной составляющей высшего образования ведет также постоянно нарастающая стандартизация и бюрократизация вузовской жизни, в частности тенденция к мелочной регламентации деятельности преподавателей.

Говоря на эту тему, следует помнить, что образование — это особая, очень деликатная, очень, я бы сказал, тонкая и ранимая сфера жизни человека и общества. В еще большей мере это справедливо именно по отношению к высшему образованию, в особенности по отношению к его гуманитарной составляющей. Перенесение в эту сферу норм и правил поточного, массового (фабричного, заводского) производства совершенно некорректно. Поэтому можно уверенно сказать, что настойчиво внедряемая в последние годы стандартизация системы высшего образования — это следствие непонимания реформаторами российской высшей школы уникальности и своеобразия системы образования, следствие непонимания ими того, что подходы и методы, достаточно эффективно используемые в некоторых сферах жизни общества, нельзя автоматически переносить на другие сферы.

Уникальность и своеобразие системы образования определяется главной функцией, которую эта система выполняет в социокультурной жизни. Главная функция системы образования, несомненно, заключается в трансляции важнейших достижений культуры от предшествующих поколений к поколениям последующим. Понятно, что трансляция достижений культуры (достижений науки, техники, технологий, искусства, философии и т. д.) качественно отличается от массового изготовления стандартных деталей и изделий. Образование — это не обработка неким субъектом некоторого пластичного материала по заданному шаблону. Образование — это всегда процесс коммуникации между неповторимыми социокультурными субъектами, в частности, это процесс коммуникации между преподавателями и «обучающимися». Этот процесс, конечно, можно опосредствовать различными информационными средствами, но его невозможно редуцировать к сугубо информационным процессам, невозможно заменить сугубо информационными технологиями. Образование — это сложнейший ценностно-смысловой процесс, в ходе которого указанные субъекты стремятся к достижению взаимопонимания, это процесс их сотворчества, в ходе которого происходит взаимное духовное обогащение таких субъектов.

В систему высшего образования, особенно в осуществление ее гуманитарной составляющей, неправомерно внедрять жесткие стандарты и шаблоны. В этой системе не должно быть жесткой пошаговой регламентации учебного процесса. В системе высшего образования не должно быть также мелочной опеки, здесь не должно быть некомпетентного и неуместного «внешнего» вмешательства. Такое вмешательство, очевидно, является следствием глубоко укоренившегося недоверия управленческих структур по отношению к преподавательскому корпусу. Я уверен, что по отношению к такому «тонкому и хрупкому» процессу, каким является образование, правильнее говорить не об управлении, а о регулировании. Регулирование этого процесса заключается в создании некоторого минимума общих норм и правил, способствующих эффективной работе системы образования, способствующих достижению главной цели системы образования: повышению качества образования. Такое регулирование образовательного процесса может быть достигнуто, как мне представляется, посредством осуществления соответствующей формы рационализации системы образования¹.

Как уже сказано, эта — жизненно необходимая — рационализация российской системы высшего образования будет способствовать достижению главной цели данной системы: повышению качества образования, в частности повышению качества ее гуманитарной составляющей. Любопытно, что осуществление рационализации такого рода предполагает движение наших университетов в направлении, можно сказать, противоположном тому, к которому их подталкивают «новейшие» реформы российского высшего образования.

Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с опытом тех университетов, которые достигли в осуществлении образовательной деятельности высочайших результатов: с опытом знаменитых зарубежных вузов и с опытом ведущих российских университетов. Поскольку их образовательная деятельность достигает их основной цели (обеспечивает их выпускникам высокий уровень образования), постольку их деятельность вполне правомерно может быть охарактеризована, как рациональная.

Задумаемся, какова природа этой рациональности, в чем причины успешности образовательной деятельности ведущих университетов? Может быть, все дело в том, что они в своей деятельности руководствовались какими-то суперсовременными образовательными стандартами? Может быть, все дело в том, что их деятельность находится под неусыпным взором могущественных органов контроля и проверки? Может быть, все дело в том, что в их рабочих программах и в соответствующих фондах оценочных средств детально регламентирован каждый шаг преподавателя и студента? Может быть, все дело в том, что эти рабочие программы и фонды оценочных средств утверждены факультетскими и университетскими руководителями?

Конечно же, причины образовательных успехов ведущих университетов заключаются отнюдь не в перечисленных бюрократических мерах и средствах. Причины их образовательных успехов имеют совершенно иную

---

¹ См. об этом также: *Финогентов В. Н.* Современные процессы в российских вузах: Иррациональность калькулирующей рациональности // *Инновации в образовании* : материалы IX научно-практической конференции. Орел, 2017. С. 119—123 ; *Финогентов В. Н.* Рационализация российской системы образования против ее бюрократизации и стандартизации // *Инновации в образовании* : материалы X научно-практической конференции. Орел, 2018. С. 354—360.

природу. Во-первых, дело в высочайшем профессиональном уровне преподавателей, работающих в этих университетах. Понятно, что сформировать в университете такой коллектив преподавателей можно только в результате многих лет бережного отбора и сохранения лучших преподавателей. Во-вторых, дело в творческой атмосфере, царящей в таких университетах. Здесь уместно еще раз вспомнить, что образовательный процесс может быть успешным только в том случае, если он является сотворчеством преподавателей и студентов. В-третьих, дело в атмосфере доверия университетского и факультетского руководства к своим преподавателям. Надо ли говорить, что высокий профессионал, любящий свое дело, — это высочайшая ценность. Основная обязанность университетского и факультетского начальства заключается именно в создании комфортных условий для таких профессионалов. В-четвертых, несомненно, дело в академической свободе, свойственной таким университетам. Необходимо понимать, что академическая свобода не является каким-то необязательным украшением университетов. Именно академическая свобода университетов является защитой от некомпетентного вмешательства «управляющих структур», которые, как известно, имеют свойство «плодиться и размножаться». В-пятых, дело еще в том, что в таких университетах образовательный процесс осуществляется в единстве с исследовательской работой. Это принципиально важно, поскольку это единство во многом создает в таких университетах упомянутую выше творческую атмосферу и значительно углубляет коммуникацию между преподавателями и студентами. В-шестых, в таких университетах значительное внимание уделяется общекультурной, прежде всего гуманитарной, подготовке студентов, поскольку в таких университетах давно уже осознали, что «узкий специалист», профессионал с примитивными ценностно-смысловыми ориентациями и приоритетами в наше время не только неэффективен, но и просто опасен.

Разумеется, здесь можно было указать и некоторые другие причины успешности ведущих университетов. Но, очевидно, что все эти причины — и перечисленные мной и оставшиеся за пределами моего внимания — чрезвычайно далеки от жесткой стандартизации и мелочной регламентации образовательного процесса, навязываемой российским вузам в наши дни.

Констатируя печальные итоги «нового» реформирования гуманитарной составляющей российского высшего образования, сошлюсь на один весьма показательный эпизод моей личной борьбы с таким реформированием.

Это произошло года два назад. Однажды мне предоставили возможность выступить на Совете ректоров Орловской области с докладом «О необходимости усиления и модернизации гуманитарной составляющей высшего образования»². Я рассказал своим высокопоставленным слушателям о неблагоприятных тенденциях в эволюции гуманитарной составляющей образования, о ее нынешнем бедственном положении. Но, к сожалению, мое выступление оказалось «гласом вопиющего в пустыне». Дело в том, что ректоры орловских вузов, прослушавшие мою речь, отреагировали на нее следующим образом: «Наши вузы работают в соответствии с принятыми и утвержденными нормативными документами». Я попытался сказать уважаемым ректорам, что именно эти документы и привели гуманитарную составляющую высшего

---

² Основные положения этого доклада опубликованы в моей статье «Усиление гуманитарной составляющей вузовского образования как императив современной эпохи» // Образование: традиции и инновации. Прага : World Press, 2014. С. 519—527.

образования к ее сегодняшнему бедственному положению, что необходимо на их — высоком — уровне заявить об этом еще более высоким управляющим субъектам. Но ректоры не согласились со мной.

Правда, один из ректоров, вроде бы, поддержал меня. Впрочем, вскоре выяснилось, что его поддержка имеет весьма специфический характер. А именно: в духе нынешних российских веяний он интерпретировал мое обоснование необходимости усиления и модернизации гуманитарной составляющей образования как призыв к усилению патриотического воспитания наших студентов.

Такое — чрезвычайно узкое — понимание задачи усиления и модернизации гуманитарной составляющей высшего образования подвигло меня на попытку ответить на вопросы, какой патриотизм нам (современному российскому обществу) нужен, и какую роль в патриотическом воспитании наших студентов может сыграть гуманитарная составляющая высшего образования?

Размышлением над этими вопросами я и заканчиваю свою статью.

Итак: какой патриотизм нам нужен? Размышляя над этим вопросом, мы, по сути, стоим перед дилеммой.

С одной стороны, мы имеем широко и громко заявляющий о себе в наши дни в российском обществе патриотизм, который я назвал бы «вульгарным патриотизмом» или «патриотизмом футбольных фанатов». Такой патриотизм имеет своим истоком и фундаментом противопоставление «наших» и «ненаших». Он основан на некритическом превознесении всего «нашего». Очевидно, что он основан на слабом знании собственной культуры и истории. Он основан также на незнании истории и культуры других народов. Опыт истории убедительно показывает, что такой патриотизм, по сути, неизбежно перерождается в национализм, шовинизм и ксенофобию. В свою очередь национализм, шовинизм и ксенофобия смертельно опасны в условиях нынешнего глобального мира, ибо они закономерно ведут к нарастанию враждебности и конфронтации в отношениях с другими народами. Они закономерно ведут к информационным, торговым и самым настоящим войнам с другими странами.

Несомненно, что преподаватели гуманитарных наук всеми своими силами должны противодействовать распространению такой формы патриотизма в нашей стране.

С другой стороны, находится патриотизм, который можно назвать культурным или истинным патриотизмом. Такой патриотизм основан на любви к родной культуре, к Родине. Он основан на глубоком знании собственной культуры, на глубоком знании истории своей культуры. Он основан также — особо подчеркну это — на критичном отношении к своей культуре и к истории своего народа. Такой — истинный — патриотизм обязательно основан на знании других культур, на знании истории других народов, на уважительном отношении к другим народам и к их достижениям. Он не допускает примитивной, черно-белой логики, согласно которой «наши» всегда правы, а «ненаши» всегда неправы. Такой — истинный — патриотизм не противопоставляет свой народ и свою культуру другим народам и культурам. Он отчетливо осознает уникальность и самоценность каждого народа и каждой культуры, а также высочайшую ценность их плодотворного сотрудничества.

Я глубоко убежден, что только такой — культурный — патриотизм «нам нужен». Ибо только такой патриотизм может дать долговременный и доброкачественный стимул прогрессивному развитию российского общества. Только такой патриотизм позволит нашей стране развивать стабильные и конструктивные отношения с другими народами и государствами. Очевидно,

что в наше время такой патриотизм невозможно сформировать у наших студентов без мощной и современной гуманитарной составляющей образования.

Таким образом, на этом — остроактуальном — примере мы еще раз убеждаемся, что мощная и современная гуманитарная составляющая высшего образования, несомненно, является существенным фактором успешного развития российского общества.

ББК 74.480.2

О. Г. Шумилкина

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРИСТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ

Рассмотрено значение гуманитаристики в контексте двух образовательных парадигм — классической и современной. Раскрыты некоторые аспекты мировоззренческого конфликта между классической педагогической мыслью и идеями постмодернистской педагогики. Показано влияние идей постмодернизма на формирование новой образовательной парадигмы, затронуты перспективы развития гуманитаристики в современных условиях.

Ключевые слова: гуманитаристика, образовательная парадигма, постмодернизм, постмодернистская педагогика.

The article discusses the importance of humanities in the context of two educational paradigms — the classical and modern. Some aspects of the ideological conflict between classical pedagogical thought and ideas of postmodern pedagogy are revealed. The influence of postmodernism on the formation of a new educational paradigm is shown, and the prospects for the development of humanities in modern conditions are affected.

Key words: Humanities, educational paradigm, postmodernism, postmodern pedagogy.

Гуманитаристика представляет собой особое явление в культурно-антропологическом измерении на протяжении всей истории существования человеческой цивилизации. По своей сути она есть прямое отражение и основа человеческого бытия, неотъемлемая составляющая внутреннего мира человека. Ее живое, активное проникновение в культурное пространство общества обеспечивает устойчивое развитие человеческого капитала и, как следствие, эффективное функционирование социума, создание направлений и приоритетов будущего, важнейшими из которых является образование и воспитание личности.

Современная образовательная сфера находится в состоянии глубокой трансформации, связанной с динамичным развитием информационного общества. Усугубление кризиса в образовании вызвано столкновением концепции развития классической рефлексии и «нового» мышления эпохи постмодерна с их полярным восприятием мира, человека, человеческих ценностей. В этом отношении гуманитаристика является уникальной платформой, на основе которой могут разрешаться все имеющиеся острые мировоззренческие противоречия. Это становится возможным благодаря ее открытости,